

8. Колоколов Н.А. Момент истины // Б-ка криминалиста. 2012. № 4. С. 118–141.

9. Баев О.Я. Законопроект «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве» и возможные последствия его принятия // Б-ка криминалиста. 2012. № 4. С. 19–32.

10. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Б-ка криминалиста. 2012. № 4. С. 56–64.

11. Бозров В.М. Истина в уголовном процессе // Б-ка криминалиста. 2012. № 4. С. 33–39.

УДК 343.133

Ю.С. Климович

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Обвинению как движущей силе уголовного процесса, которая определяет предмет и пределы судебного разбирательства, в уголовно-процессуальной науке традиционно уделялось достаточно много внимания ученых. Указанный институт прошел свой путь законодательного становления и реформирования. Именно на нем в значительной степени отразилось развитие состязательных начал в отечественном уголовном процессе, что позволяет многим авторам в настоящее время совершенно обоснованно отождествлять обвинение с уголовным иском.

Исследование того или иного правового явления часто весьма затруднительно без предварительного исторического анализа проблематики вопроса. Обвинение в этом смысле не является исключением.

Известные юридическому сообществу реформы законодательства в Российской империи 1864 г. дали значительный импульс для развития отечественной научной уголовно-процессуальной мысли и определили основные существующие и в настоящий момент черты государственного обвинения и уголовного процесса в целом. Ст. 630 Устава уголовного судопроизводства гарантировала равенство прав прокурора и обвиняемого на представление доказательств, замечаний на действия суда, заявление отводов, опровержение доводов другой стороны [3, с. 5–6; 16, с. 769]. Был сделан значительный шаг в регламентации таких частных вопросов реализации государственного обвинения, как отказ от него и его изменение в судебных стадиях. Влияние континентальной модели процесса проявилось в том, что позиция государственного обвинителя как в части отказа,

так и в части изменения обвинения не имела принципиального значения и суд имел возможность принять решение в соответствии со своим усмотрением. «...В случае отказа прокурора на основании ст. 740 Устава от поддержки обвинения, суд, хотя бы и находил этот отказ совершенно основательным и согласным со своим убеждением, не может объявить подсудимого свободным от суда, а обязан предложить присяжным вопрос о виновности по обвинительному акту, так как, по нашему закону, прокурор не имеет права взять обвинение назад» [11, с. 108–109].

Со второй половины XIX в. помимо реформ законодательства начали происходить и весомые подвижки в теоретическом осмыслении вопросов русской уголовно-процессуальной науки. Несмотря на отсутствие специальных исследований в области обвинения, значительное внимание в своих работах этому направлению уделили Н.А. Буцковский, С.Г. Щегловитов, К.К. Арсеньев, И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский.

Определенная часть ученых в области гражданского процесса (В.М. Гордон, А.Х. Гольмстен), а затем и уголовного процесса (Г.С. Фельдштейн, Н.Н. Розин, Д.А. Червонецкий) восприняли немецкую теорию определения процесса как юридического правоотношения. Вследствие чего получили свое распространение взгляды на обвинение как на уголовный иск.

В 1870 г. К.К. Арсеньев, вступая в полемику с Н.А. Буцковским, который в этом вопросе стоял на позиции законодателя, достаточно обстоятельно исследовал структуру обвинительного акта, создав основу для дальнейшего научного осмысления материально-правового аспекта обвинения. Он предлагал включать в обвинение не только доказательства виновности, но и те, которые исключают таковую. «Обвинительный акт, по выражению составителей устава, имеет целью, между прочим, разъяснение дела суду, но разве эта цель могла бы быть достигнута, если бы обвинительный акт представлял суду только одну сторону дела, совершенно упуская из виду другую?» [1, с. 63]. Достаточно прогрессивными на тот момент были его предложения об указании в обвинении точной юридической формулировки и квалификации преступления. Он же считал невозможным фиксировать в обвинении наиболее тяжкое из нескольких преступлений, по которым лицо может быть осуждено [1, с. 98–99].

Значительным вкладом в изучение вопросов изменения обвинения явились исследования Н. Буцковского. Ученый заострил внимание на категории «существенной» трансформации обвинительного тезиса, справедливо указав, что достаточно трудно сформулировать какое-либо конкретное правило на данный счет [4, с. 246].

Революция 1917 г. повлекла за собой значительные перемены в правовом устройстве государства. Первым же Декретом от 24 ноября

1917 г. «О суде» правом поддержания обвинения перед судом без надлежащей регламентации этого процесса были наделены все граждане, пользующиеся гражданскими правами [8]. Таким образом, появилось общегражданское обвинение – первая форма обвинительной деятельности в истории советского уголовного процесса. Последовавшие затем Декрет от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» и Декрет от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде» внесли некоторые коррективы в практику уголовного судопроизводства того времени. В частности, были созданы окружные народные суды. По делам, им подсудным, предварительное расследование стало осуществляться следственной комиссией, избираемой Советами, обвинительный акт заменен на постановление следственной комиссии о предании суду. Представителями стороны обвинения, впрочем, как и защиты, стали лица из коллегий, избираемых Советами. «Эти коллегии участвовали в заседаниях следственных комиссий при решении вопроса о предании суду, давали заключения о подсудности дел, формулировали обвинение. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 мая 1918 г. при революционном трибунале была учреждена Центральная коллегия обвинителей, состав которой избирался ВЦИКом. Центральная коллегия руководила деятельностью коллегий обвинителей при революционных трибуналах» [7, л. 15]. Отсутствие регламентации пределов судебного разбирательства говорит о том, что вопросы отказа и изменения обвинения в первые годы советского государства находились исключительно в распоряжении суда.

С принятием в 1922 г. УПК РСФСР, а затем в 1923 г. УПК БССР в законодательстве появилось понятие «сторона», что само по себе свидетельствует о стремлении законодателя придать процессу черты состязательности. Законодатель, предоставив в ст. 310 УПК БССР обвинителю право отказаться от обвинения только с началом прений сторон, как это было и в дореволюционные времена, не придал этому решению обязательного для суда характера. Вопросы изменения обвинения регламентировались отдельной главой «Об изменении обвинения и привлечении к суду новых лиц». В соответствии с ней полномочия на изменение обвинения закреплялись исключительно за судом, а пределы судебного разбирательства определялись предъявленным обвинением. В случае необходимости дополнения обвинения суд возбуждал уголовное дело и выделял его в отдельное производство либо, приостановив слушание, направлял дело на дополнительное расследование. Внести изменения в сущность обвинения в ходе судебного разбирательства можно было, только если это не влекло за собой более тяжкого наказания (ст. 315–320) [13].

Очередным этапом в развитии теоретических основ обвинения стал выход в 1934 г. работы М.С. Строговича «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и в суде». Несмотря на особенности исторического периода, М.С. Строгович отстаивал необходимость состязательного построения процесса, как и дореволюционные юристы, считал прокурора в суде стороной процесса, который «является именно обвинителем и подходит к исследованию на суде всех обстоятельств под углом зрения обвинения» [12, с. 37].

В дальнейшем приоритет научных исследований в области государственного обвинения был смещен в плоскость исследования допустимых пределов изменения обвинения. В частности, ученые подвергли справедливой критике тяжесть наказания как единственный критерий, который необходимо учитывать при изменении обвинения в суде. Появились дискуссии о существенности модификации обвинительного тезиса и предложения о дополнительном условии, которым должно было стать нарушение права на защиту. Например, М.И. Бажанов указывал на случаи, когда изменение обвинения не угрожает более суровым наказанием, но создает ситуацию нарушения права на защиту. «Наша практика усвоила обязательное направление дела на доследование только в случаях изменения первоначальной формулировки обвинения в сторону отягчения; так она должна поступать и при существенном изменении характера обвинения, хотя и в сторону смягчения» [2, с. 41]. М.А. Чельцов считал необходимым в теоретическое решение вопроса о праве суда на изменение обвинения внести практические поправки, «которые давали бы реальные гарантии защиты обвиняемому» [15, с. 342]. В то же время появились работы, в которых освещалась проблематика появления в суде нового обвинения, причем ученые в категоричной форме заявляли о недопустимости предъявления такого обвинения в суде, так как это грубо нарушает конституционное право обвиняемого на защиту.

Принятый в 1960 г. УПК БССР предписывал прокурору при поддержании обвинения руководствоваться своим внутренним убеждением. При этом новый закон (ст. 247) в отличие от УПК БССР 1923 г. предусматривал не право, а обязанность обвинителя отказаться от обвинения в случае, если оно не будет подтверждено данными судебного следствия. Законодатель воспринял идеи ученых, когда в ст. 254 УПК БССР допустил изменение обвинения в суде при условии, если этим не ухудшается положение обвиняемого и не нарушается его право на защиту. Гарантией против нарушения его прав при изменении обвинения служил институт возвращения уголовного дела на доследование.

В целом правильное нововведение с точки зрения обеспечения прав и свобод обвиняемого не решило всех проблем, так как использование

оценочных категорий потребовало от исследователей уточнения их конкретного содержания. На монографическом уровне, создав обширное поле для последующих научных изысканий, данным вопросом, как и в целом проблематикой обвинения, занимались Ф.Н. Фаткуллин, В.М. Савицкий, П.М. Давыдов, Т.Н. Добровольская, Н.Я. Калашникова.

В концептуальном плане исследователи рассматривали право на изменение и отказ от обвинения в суде как прерогативу суда, когда позиция прокурора не является определяющей. Не подвергался обсуждению и законодательный запрет на изменение в суде обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от ранее предъявленного. В связи с этим особо следует обратить внимание на озвученную в 1974 г. позицию П.Ф. Пашкевича о необходимости перестройки института изменения обвинения на судебных стадиях процесса. Так, им было предложено отказаться от слишком широкого понимания существенности изменения обвинения, а также позволить суду изменять обвинение в сторону ухудшения положения обвиняемого непосредственно в суде первой инстанции. Аргументируя свою точку зрения, он ссылаясь на то, что совершенно нерационально «направление дела из суда органам предварительного расследования для изменения формулы обвинения, когда фактические обстоятельства следствием установлены с достаточной полнотой, но допущена ошибка в квалификации деяния» [9, с. 56]. Указанное мнение ученого вызвало негативную реакцию у представителей процессуальной науки. Однако нельзя не признать, что рассуждения П.Ф. Пашкевича заставили ученое сообщество взглянуть на вопросы изменения обвинения под принципиально другим углом зрения и, как показало время, предложения автора во многом нашли свою реализацию в ныне действующем белорусском уголовно-процессуальном законодательстве.

Сегодня мы видим, что регламентация государственного обвинения в действующем уголовно-процессуальном законе строится на принципиально новых началах. Полномочия государственного обвинителя значительно расширились. В соответствии со ст. 293 и 301 УПК Республики Беларусь обвинитель имеет право изменять обвинение как со смягчением, так и с ухудшением положения обвиняемого, при этом обвинительный тезис может существенно отличаться от ранее предъявленного. Такой подход свидетельствует, что законодатель в текущий момент изменил свой подход к содержанию принципа обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту. В отличие от советского периода появление в суде более тяжкого обвинения либо обвинения, существенно отличающегося от ранее предъявленного, не расценивается как нарушение права обвиняемого на защиту.

Концептуально одобряя подход законодателя по расширению прав государственного обвинителя относительно трансформации обвинения в суде, хотелось бы заострить внимание на определенных проблемах.

Сомнения вызывает корректность редакции ч. 5 ст. 301 УПК, в соответствии с которой «суд вправе изменить квалификацию преступления независимо от позиции государственного обвинителя, если это не ухудшает положения обвиняемого и не требует изменения сущности обвинения».

Обвинение в уголовном процессе традиционно рассматривается как в процессуальном, так и материальном смысле. В первом случае это совокупность действий стороны обвинения по формулированию и поддержанию обвинительного тезиса в суде. Во втором – установленные по делу и вмененные обвиняемому в вину общественно опасные и противоправные факты, составляющие существо конкретного состава преступления, за который лицо должно понести уголовную ответственность (обвинительный тезис, уголовный иск и т. д.). В материальном аспекте любое обвинение имеет свою структуру, относительно которой в теории оформилось 2 подхода. Одни авторы, к которым, в частности, относятся П.М. Давыдов и Т.Н. Добровольская разделяют обвинение на 2 элемента: формулировка, под которой понимают совокупность элементов, отражающих признаки конкретного преступления, и квалификация [5, с. 36–75; 6, с. 11–16]. Другие ученые, в числе которых Ф.Н. Фаткуллин и Г. Резник, выделяют в обвинении 3 элемента: 1) фабула – установленные по делу факты, которые инкриминируются обвиняемому как деяние, содержащее признаки определенного состава преступления; 2) юридическая формулировка – юридическую модель содеянного; 3) правовая квалификация – указание на конкретную статью уголовного закона, ее часть и пункт [14, с. 35–41; 10, с. 23]. Разделяя в данном случае второй подход и не заостряя внимания на его достоинствах, отметим главное – обвинение не сводится только к квалификации. Его существо образуют конкретные фактические данные, которые зафиксированы в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и отражают обстоятельства вменяемого в вину преступного деяния. Следовательно формулировка ч. 5 ст. 301 УПК необоснованно ограничивает право суда на изменение обвинения, так как формально позволяет ему трансформировать исключительно квалификацию преступного деяния в случае осуждения обвиняемого. Подобное законодательное предписание не только некорректно по своей сути, оно не отражает складывающейся практики. Суды при постановлении приговоров активно вносят изменения как в фактическую, так и в юридическую часть обвинения. Кстати, об этом прямо говорится в ч. 1 ст. 360 УПК, которая предписывает судам

в случае признания части обвинения необоснованной или установления неправильной квалификации преступления указывать в приговоре основания и мотивы изменения обвинения. И речь в данном случае, безусловно, идет о трансформации всего объема обвинительного тезиса, а не только квалификации обвинения. По УПК Российской Федерации суд вправе изменить обвинение в судебном разбирательстве, если этим не ухудшится положение обвиняемого и не нарушится его право на защиту (ч. 2 ст. 252). По сути, аналогичная формулировка содержалась и в ст. 254 УПК БССР 1961 г. С учетом изложенного представляется, что белорусскому законодателю необходимо вернуться к формулировке ранее действовавшего закона и закрепить в ч. 5 ст. 301 УПК право суда на изменение обвинения в судебном разбирательстве, если этим не ухудшится положение обвиняемого и не нарушится его право на защиту. Таким образом, суду будет гарантирована возможность на законных основаниях изменять как фактическую, так и юридическую часть обвинения, при условии, что обвинение не приобретет характер более тяжкого либо существенно отличающегося от ранее предъявленного.

1. Арсеньев К.К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия : сб. практ. заметок. СПб. : Тип. Демакова, 1870. 225 с.
2. Бажанов М.И. Изменение обвинения в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1954. 56 с.
3. Бормотова Л.В. Обвинение и защита : метод. указания к спецкурсу. Оренбург : ОГУ, 2004. 62 с.
4. Буцковский Н. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. СПб. : Тип. Скарятин, 1874. 614 с.
5. Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. 136 с.
6. Добровольская Т.Н. Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса. М. : Юрид. лит., 1977. 112 с.
7. Кокоринова Т.А. Прокурор в уголовном процессе: теоретико-правовые и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2004. 113 л.
8. О суде [Электронный ресурс] : Декрет СНК РСФСР от 24 нояб. 1917 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
9. Пашкевич П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалист. законность. 1974. № 9. С. 54–56.
10. Резник Г. Изменение обвинения в приговоре // Совет. юстиция. 1970. № 22. С. 23–24.
11. Селитренников А.М. О постановке вопросов на суде уголовном по решениям Кассационного Сената. СПб. : Тип. А.М. Котомина, 1875. 344 с.
12. Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / под ред. А.Я. Вышинского. М. : Госюриздат, 1934. 48 с.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики 1923 г. Минск : Изд-во НКЮ БССР, 1927. 102 с.

14. Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С. Обвинение и защита по уголовным делам : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. 167 с.

15. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс : учеб. для вузов. М. : Госюриздат, 1951. 512 с.

16. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Равена : Альфа, 1995. 846 с.

УДК 343.1

В.П. Корж

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ

Высшей социальной ценностью в государстве на конституционном уровне признан человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность (ст. 3 Конституции Украины). Принцип ответственности государства перед гражданином и человеком за свою деятельность конкретизируется в других конституционных нормах, законодательных актах, в том числе УПК Украины. В соответствии с требованиями ст. 2 УПК Украины уголовное судопроизводство имеет двуединую цель: защита личности, общества и государства от преступных посягательств и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. К сожалению, эти цели оказались декларативными. Так, в отдельных положениях УПК содержатся псевдонаучные дефиниции, юридические коллизии, отсутствуют нормы, регулирующие процедуру реабилитации лиц, не виновных в совершении преступления, допроса подозреваемого, обвиняемого, назначения экспертиз. Это приводит к грубым нарушениям законности на досудебном следствии, в суде и ущемлению прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, создает беспорядок в правоприменительной практике, порождает новые коррупционные схемы и увеличивает суммы коррупционных откатов.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что нравственные начала, как и большинство принципов уголовного судопроизводства, являются очередной декорацией. В связи с этим актуальной является точка зрения Л.Д. Кокарева о профессиональной этике участников уголовного процесса, соблюдении принципа справедливости в уголовном судопроиз-